

Гендер и чувства: из истории женской эмоциональности XIX — начала XX века

Наталья Пушкарева

От составителя*

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_49

Natalya Pushkareva
From the Compiler

История эмоций — изобретение XX века, такого направления в гуманитарном знании долго не существовало.

Историки никак не соглашались с тем, что люди прошлого испытывали другой набор чувств, чем мы, сегодняшние, и вкладывали в привычные понятия, обозначающие различные переживания, иной контент. Когда в начале 1990-х годов выдающийся российский медиевист профессор Юрий Львович Бессмертный организовал в Институте всеобщей истории РАН свой неформальный научный семинар по сравнительному изучению частной жизни в Средние века и раннее Новое время, участники его в жарких спорах (в которых довелось участвовать и мне) пришли наконец к согласию с тем, что эмоции культурно специфичны, изменчивы и тесно связаны с языком и символическими кодами общества, в котором они бытуют, принимая социально предопределенные и при этом очень разнообразные формы.

Однако традиционная наука продолжала настаивать на том, что содержание устойчивых понятий (счастье, горе, обида, удовольствие, страх и т.д.) малоизменчиво, что люди прошлого любили или дружили, отстаивали свои права или покорялись судьбе ровно так же, как современные (ведь чувства и их проявления определяются, казалось бы, физиологией и биологией). Так что участники семинара Ю.Л. Бессмертного, обосновывая социальный детерминизм в понимании происхождения чувств, помогали совершиться антропологическому повороту в российском гуманитарном знании. Постепенно прихо-

---

* Подготовлено в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации № 075-15-2022-328).

дило убеждение в том, что эмоции — это именно исторические конструкции, возникавшие в результате различных, подчас случайных взаимодействий нашего языка, психики, социальных отношений и материальных обстоятельств. Рождавшаяся тридцать лет назад в России культурная история эмоций ставила задачей изучить, как эмоции менялись на протяжении человеческой истории и как они (индивидуальные, а уж тем более коллективные) сами создавали и меняли историю.

Легко признать: чувства всегда окрашивали повседневность, формируя представление о семейном, профессиональном, личном и социальном благополучии. Изучая эту повседневность и частную жизнь живших до нас, делаясь подробностями своей научной кухни и результатами своих аналитических наблюдений, участники того «семинара Бессмертного» сформировали первый в российской историографии сборник статей, в которых настаивали на существовании в прошлом особых эмоциональных режимов, на необходимости изучать чувства людей, живших задолго до нас, скрупулезно восстанавливать эмоциональные реакции по обмолвкам и заметкам в текстах [Бессмертный 2000].

Как раз в те самые перестроечные годы постепенная переориентация исследований с изучения классов, массовых движений и социально-экономических формаций на новый историзм и внимание к отдельному (подчас необычному, нетипичному и попросту странному) Человеку, а также успешно утвердившаяся в этнологии концепция «культуры как текста» позволили уже не только историкам, но и литературоведам, культурологам переосмыслить и обновить свои научные сферы.

В русле этого обновления и особого внимания к истории ментальностей являвшаяся поначалу лишь ее частью *история эмоций* отделилась в самостоятельное направление и претерпела собственную эволюцию. От изучения конкретных эмоциональных понятий историки перешли к исследованию эмоциональных сообществ — групп людей, которые разделяют общие представления о том, какие эмоции, в каких ситуациях и каким образом следует выражать, а также собственно самих социально транслируемых эмоций.

Базовое эмоциональное сообщество в любом социуме — это семья, ведь в каждой семье были выработаны и существуют собственные правила выражения чувств, в ней подчас не только взрослые, но и взрослеющие могут определить и расценить, что для них «ценное или вредное, дают оценки чувствам других, выстраивают с ними аффективные связи» [Rosenwein 2002]. Однако, помимо семьи и семейного клана, эмоциональных сообществ множество — они возникают в одной и той же социально-образовательной среде, среди представителей одной или схожих профессий, среди социально-сегрегированных групп (какими были, а отчасти и остаются, например, монастыри), подчас зависят от этноконфессиональной принадлежности, уровня достатка и схожего образа жизни. Есть даже предположение, что вся история эмоций — история «нарастающего контроля проявления чувств» [Plamper 2012]... Разрабатывая область исторических исследований, связанную с изучением эмоций, социопсихологи объединились с историками. Размышляя о различиях между культурами и историческими периодами в переживании и выражении нахлынувших чувств, говоря о них применительно к прошлому, они опирались на все те же традиционные исторические источники (письменные, нарративные), но подкрепляли и развивали свои предположения, используя теории психологии

и нейробиологии, физиологии и искусствоведения, теории литературы и культуры [Бреслав 2004].

Теме гендера в изучении *истории* эмоций было суждено появиться с неизбежностью, поскольку она уже существовала на уровне предпонятий, ведь «эмоциональные женщины» буквально всегда противопоставлялись «бесчувственным мужчинам». Во множестве западных культур столетиями формировались особые социальные ожидания от женщин как существ, готовых очевиднее демонстрировать положительные эмоции (радость, счастье) и быстрее мужчин усваивать отрицательные (печаль, страх, тревогу, стыд и вину). Введение гендера как категории анализа в исследовательский аппарат исследователя прошлого открыло перспективы для подтверждения или отрицания этого феномена, для объяснения причин рождения этого мифа (а они кроются в различиях социализации женщин и мужчин) [Ильин 2002], а также — в самом широком плане — для понимания множества аспектов истории коллективных ментальных процессов, в которые были вовлечены и женщины, и мужчины.

Современные сторонники специального изучения истории эмоций считают чувства мощнейшим гендерным маркером, игравшим центральную роль в культурном и социальном разграничении мужского и женского начала и потом позволяющим обсуждать (не)возможность социального переконструирования и перевоспитания, ломки устоявшихся стереотипов. Разбирая конкретные жизненные казусы прошлого, историки получают возможность соотношения коллективного и индивидуального в вопросах переживаний и чувств [Кузнецов 2015].

Однако при всем интересе к российской *истории эмоций* (десятилетием позже публикаций участников семинара Ю.Л. Бессмертного вышел сборник, в центре внимания авторов которого были поиски ответа на вопрос: на чем зиждется расхожее мнение, что одни народы — в частности русские — эмоциональнее других? [Плампер и др. 2010]), тема *женских эмоций* ни разу в отечественной историографии не поднималась. Парадоксальным образом тема мужской экспрессивности нашла отражение в специальной подборке статей нескольких выпусков так называемого «Мужского сборника», прежде всего в последнем [Пушкарева, Морозов 2006] — а особенности женской чувственной сферы кажутся часто уже и так достаточно понятными.

Установить равновесие в этой ситуации представляется своевременным и необходимым — и свой вклад в достижение этого равновесия решили внести **Анна Белова, Наталья Мицюк, Мария Михайлова и Екатерина Кузнецова**. Проанализировать культурные предписания, соответствовавшие своему времени, равно как уровень эмоционального интеллекта женщин, живших в России XIX — начала XX века, означает приблизиться к проблеме понимания чувственного интеллекта образованных россиянок, зависимых от социальных ожиданий и предписаний. Что было способно воздействовать на них? Кто возлагал на себя миссию коллективного воспитания девичьих и женских чувств? Верно ли, что история шла по линии нарастания личного женского самоконтроля над эмоциями? Как согласовывались предписания с собственными робкими мечтаниями и насколько были готовы женщины к эмоциональному самораскрытию в текстах «своеручных записок» (дневников, писем, воспоминаний), делясь подробностями своих страхов и желаний, желая понимать свои и чужие чувства и управлять ими?

Библиография / References

- [Бессмертный 2000] — Человек в мире чувств. Очерки истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Изд-во РГГУ, 2000.
- (Chelovek v mire chuvstv. Ocherki istorii chastnoy zhizni v Evrope i nekotorykh stranakh Azii do nachala Novogo vremeni / Ed. by Yu.L. Bes-smernyy. Moscow, 2000.)
- [Бреслав 2004] — *Бреслав Г.* Психология эмоций. М.: Смысл; Академия, 2004.
- (Breslav G. Psikhologiya emotsiy. Moscow, 2004.)
- [Ильин 2002] — *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.
- (Ilin Ye.P. Differentsial'naya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny. Saint Petersburg, 2002.)
- [Кузнецов 2015] — *Кузнецов М.А.* Гендерная специфика эмоциональной и автобиографической памяти // *Pravo i Bezpeka*. 2015. No. 1. P. 102—108.
- (Kuznetsov M.A. Gendernaya spetsifika emotsional'noy i avtobiograficheskoy pamyati // Pravo i Bezpeka. 2015. No. 1. P. 102—108.)
- [Плампер и др. 2010] — Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: Сб. статей / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- (Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoy istorii emotsiy: Sb. statey / Ed. by J. Plamper, S. Shahadat. M. Ellie. Moscow, 2010.)
- [Пушкарева, Морозов 2006] — Мужчина в экстремальной ситуации (Мужской сборник. Вып. 3) / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.А. Морозов. М.: Индрик, 2006.
- (Muzhchina v ekstremal'noy situatsii (Muzhskoy sbornik. Iss. 3) / Ed. by N.L. Pushkareva, I.A. Morozov. Moscow, 2006.)
- [Plamper 2012] — *Plamper J. et al.* AHR Conversation: The Historical Study of Emotions // *The American Historical Review*. 2012. Vol. 177. No. 5. P. 1487—1531.
- [Rosenwein 2002] — *Rosenwein B.H.* Worrying about Emotions in History // *The American Historical Review*. 2002. Vol. 107. No. 3. P. 821—842.